

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

КАРЕЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИНЛЯНДИИ

Интерес финской научной общественности к карелам, имеющий более чем вековую традицию, всегда был особым. К карелам относились не только как к наиболее родственному финнам-суоми народу, но, более того, как к одному из племен финского народа. Несколько поколений лингвистов, фольклористов, этнографов изучали карельский язык и карельскую культуру, накопили богатейший материал, сравнивали его с материалами по другим финно-угорским народам. Несмотря на длительное господство в финляндском финно-угроведении реакционных, националистических взглядов и теорий, оно в целом достигло неоспоримых успехов. Новым этапом интенсивного развития финно-угроведения явилось минувшее двадцатилетие. В этот период в науке, наряду с общим ростом влияния в стране прогрессивных сил, все более значительную роль начинают играть прогрессивные ученые. Огромное значение при этом имеет установление дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом, укрепление политических, экономических, культурных и научных связей между обеими странами. Весьма примечательно, что в Финляндии в эти годы успешно развивается и славяноведение.

Заметно возрос в послевоенные годы интерес финляндской общественности к достижениям советского финно-угроведения. В периодической печати часто публикуются рецензии и статьи о работах советских ученых. Несомненную пользу принесла, например, статья М. Вахрос, популярно излагающая теорию Д. В. Бубриха о происхождении карельского народа¹.

Понятно, что многие исследования финляндских ученых представляют интерес также и для советской науки. Наши языковеды, фольклористы и историки довольно широко пользуются финляндской литературой. Однако этнографическая литература Финляндии мало известна у нас в стране. В нашей печати чрезвычайно редко появляются критические работы, освещающие состояние этнографической науки в Финляндии. Из вышедших в последние годы можно назвать лишь рецензию Г. Н. Макарова на книгу П. Виртаранта о тверских карелах² и обзор Л. Суни по этнографическим работам, опубликованным в 1958—1963 гг. в ежегоднике Калевальского общества³.

* * *

Как известно, в исторической и этнографической науке Финляндии долгое время преобладал панфинский подход к другим прибалтийско-финским народам и прежде всего к карелам, которых пытались рассматривать лишь как «форпост Запада». Однако в послевоенное время в прогрессивных научных кругах Финляндии усиливается стремление к объективному изучению карело-славянских связей и все более начинает утверждаться новый взгляд на карел как на самостоятельный народ, имеющий и свою самобытную культуру, и свою историю, и свое место в семье народов СССР.

¹ М. Вахрос, Karjalan kansan syntykysmys Bubrihin mukaan, «Virittäjä», 1957, № 1.

² Г. Н. Макаров, Калининские карелы глазами финляндского ученого, «Скандинавский сборник», 1964, № 8, стр. 407—411.

³ Л. Суни, рец. Kalevalaseuran vuosikirja. Helsinki — Porvoo (1958—1963 гг.), «Сов. этнография», 1964, № 5, стр. 168—172.

Наиболее определенно выразил эту точку зрения историк Х. Киркинен в работе «Карелия в сфере восточной культуры»⁴, посвященной начальному этапу истории карельского народа. В ней Х. Киркинен указывает, что «невозможно достаточно глубоко понять историю Карелии, если не принимать во внимание... связи с востоком и наследие восточной культуры, оказавшие сильное влияние на нее». Х. Киркинен особенно предостерегает своих соотечественников от предвзятого, националистического подхода. Большое внимание уделяет автор этногенезу карел. Опираясь на данные археологии и на результаты новейших лингвистических исследований, он оспаривает теорию западнофинского происхождения карел, которую отстаивает, например, Я. Яккола⁵. По мнению Х. Киркинена, заселение северо-европейской части России финскими народами, начавшееся еще в начале второй половины первого тысячелетия нашей эры, шло главным образом с юго-востока. Хотя в западном Приладожье в это время и существовало редкое население, составленное главным образом выходцами из западнофинского племени емь, во время дальнейшего заселения Приладожья западные элементы растворились в разных потоках пришельцев, наиболее мощным из которых был поток с юго-востока, и основную массу в нем составляла чужд. Постепенно в Западном Приладожье сложилось свое приладожско-карельское племя (известное нам под русским названием «корела»). Этим, как считает Х. Киркинен, объясняется, с одной стороны, ее близость к культурам южных и юго-восточных соседей; этим же объясняется и близкое родство между карельским и вепским языками. Отсюда же, по мнению Х. Киркинена, произошла противоположность интересам емь, а с другой стороны, общие интересы с Новгородом, в союзе с которым карелы уже с самого начала своего существования противостояли экспансии Запада. Х. Киркинен подчеркивает добровольность этого союза и то, что в основе его были экономические и культурные связи. Таким образом, автор фактически стоит на весьма реалистической позиции, хотя в целом все-таки преувеличивает роль православной церкви в истории карельского народа.

Глубокий подход к изучению истории и культуры карел позволил Х. Киркинену сделать интересные предположения по истории эпоса «Калевала». На основании значительного совпадения границ территории, на которой были собраны руны эпоса, с границами расселения карельского племени в средние века он ставит вполне правомерный вопрос: «не явилась ли роль карел в развитии эпоса «Калевала» центральной?» и призывает осторожно относиться к издавна распространенной в финляндской науке концепции, будто большинство рун возникло в западной Финляндии (эту концепцию поддерживает, в частности, и М. Кууси в одной из последних своих работ)⁶.

В послевоенный период были подведены итоги деятельности отдельных ученых, обработаны и опубликованы собранные ими материалы. Так, жизни и деятельности Т. Швиндта, этнографа и археолога, музейного работника и лингвиста, «первопроходца финской этнографической науки», как назвал его У. Т. Сирелиус, посвящена книга С. Халтсонена «Жизнь исследователя карельского народа Теодора Швиндта» и большая часть его же очерка «Из истории изучения финской народной одежды»; кроме того, С. Халтсонен издал также путевые заметки Т. Швиндта о его поездке к тверским карелам⁷.

Для изучения так называемых новгородских карел очень большое значение имела экспедиция В. Р. Петрелиуса в 1892 г. в район Валдая. Во время экспедиции он собрал много фольклорного материала, который и был в свое время частично опубликован. В 1956 г. В. Р. Петрелиус написал очерк о своей жизни среди валдайских карел и назвал его «Приятные воспоминания о далеком прошлом». Проф. П. Виртаранта дополнил этот очерк материалами из личного архива В. Р. Петрелиуса, а также из его рукописного отчета «Краткие сведения о проживающих в восточной части Валдая российских карелах», и вместе со своим вступительным словом опубликовал в ежегоднике Калевальского общества⁸. Надо заметить, что в работе В. Р. Петрелиуса имеется довольно много интересных наблюдений, в частности, описание свадьбы. Отмечено и большое сходство многих карельских обычаев с обычаями окружающего русского населения.

⁴ H. Kirkinen, *Karjala idän kulttuurin piirissä. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan*, Helsinki — Rauma, 1963. Названия работ и цитаты приводим в нашем переводе. (Автор).

⁵ J. Jaakkola, *Suomen varhaishistoria. Heimokausi ja «Kalevala — kulttuuri»*, Suomen historia, II, Porvoo — Helsinki, 1956, стр. 218.

⁶ M. Kuusi, *Varhaiskalevalainen runous*, Suomen kirjallisuus, I, Kirjoittamaton kirjallisuus, Helsinki — Keuruu, 1963, стр. 131.

⁷ S. Haltsonen, *Karjalainen kansantutkija Teodor Schwindtin elämä*, Helsinki, 1947; его же, *Piirteitä suomalaisen kansanpuvun tutkimuksen historiasta*, «Kalevalaseuran vuosikirja», № 27—28, 1947—1948, стр. 7—27; T. Schwindt, *Matkamuistoja Tverin Karjalasta*, Julkaissut Sulo Haltsonen, «Kansatieteellinen arkisto», 13:2, Helsinki, 1957.

⁸ P. Virtaranta, *V. R. Petreliuksen matka Valdain karjalaisten luo 1892*, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1962, № 42, стр. 178—212.

Видное место в истории изучения карел, особенно тверских и новгородских, по праву принадлежит Ю. Куёла. Однако именно эта сторона его деятельности долгое время недооценивалась соотечественниками. Известны были лишь работы Ю. Куёла по изучению ливвиковского и людиковского диалектов, в частности, его экспедиция в 1909 г. к людикам, которая дала большую часть материала для «Словаря людиковских диалектов»⁹, вышедшего в свет в 1944 г. под его редакцией. Лишь после того как Ю. Куёла сдал в 1955 г. в фонды Карельского словаря материалы по своим экспедициям к карелам валдайским (1910 г.), к тихвинским (1911 г.) и к тверским (1912 и 1913 гг.), результаты этих экспедиций могли быть введены в научный оборот. В 1960 г. П. Виртаранта выпустил книгу «Юхо Куёла, исследователь карел и людиков»¹⁰, в которую включил полученный от Ю. Куёла материал и снабдил его необходимыми комментариями и переводами. Благодаря обилию документального материала (полевые дневники, записи диалектных текстов и т. д.) книга является ценным источником как для лингвиста, так и для этнографа.

Надо отдать должное финским языковедам: многие из них в своей исследовательской работе не ограничивались рамками только языковых явлений. В материалах их экспедиций мы находим немало весьма ценных этнографических сведений.

Из лингвистических работ особенно близкую связь с этнографией имеют исследования по топонимике. В этнографическом отношении несомненный интерес представляют, например, многие работы В. Ниссиля, давно и успешно занимающегося карельской топонимикой. В статье «Дорожная топонимика Восточной Карелии»¹¹ В. Ниссиля так говорит о роли ее изучения: «Мы можем выяснить, как прежде люди передвигались по лесам и водам, какими средствами и путями пользовались, по каким местам проходили примитивные пути сообщения в прошлом. Наряду с прочей этнографической топонимикой она сохранила черты таежной культуры, с которой еще пару поколений назад приходилось иметь дело путешественникам по Восточной Карелии». Много внимания уделено в статье, естественно, водным путям, так как речные и озерные пути в прошлом были основными. Это закреплено в названиях многих озер и рек, мысов и островов. Зимой санные пути прокладывались напрямую, что также подтверждается разнообразными конкретными названиями (например, Regitienguba, т. е. губа, где санный путь выходит на лед озера у д. Пуйгуба на Мунозере). Когда же с XVIII века в Карелии стали прокладываться почтовые дороги — «ямы», это тоже по-своему отразилось в топонимике. Так, пользуясь материалами топонимки, В. Ниссиля рассматривает способы и средства передвижения у карел в их многовековой эволюции — от пешеходных тропинок и простейших плотов до развитого дорожного хозяйства.

В Финляндии, как и прежде, много пишут о карельском фольклоре. В некоторых работах широко привлекается этнографический материал. Так, например, А. Рейма в статье «О карельских колыбельных песнях»¹² пользуется уже известным фольклорным материалом, но колыбельные песни служат лишь, по ее выражению, «дверью, в которую удается мельком увидеть одну из будничных сенок в жизни древнекарельского дома: ублаживание ребенка». А. Рейма рассказывает о методах воспитания детей в карельской семье, о различном отношении к сыновьям и дочерям.

Весьма интересна работа Л. Хонко о причитаниях¹³, где филологическое исследование дополняется подробными этнографическими описаниями похоронных обрядов у собственно карел, свадебных обычаев у ижор. Л. Хонко указывает на неразрывную связь поэтической и музыкальной форм причитания с конкретной обстановкой, в которой она исполняется, с поведением исполнителя и окружающих. Поэтому автор много внимания уделяет и соответствующим обрядам. Отмечая слабую изученность вопроса о происхождении причитаний (в частности, свадебных) у прибалтийско-финских народов, Л. Хонко полагает, что большую помощь для его решения оказало бы широкое сравнительное изучение свадебных обычаев у финно-угорских и соседних (славянских, германских и др.) народов. Л. Хонко обоснованно возражает против распространен-

⁹ Lyydiläismurteiden sanakirja, Toimittanut ja julkaissut Juho Kujola, «Lexica societatis fennougricae», IX, Helsinki, 1944. Кстати, в современной финляндской науке нет достаточной определенности в вопросе, являются ли людики диалектной группой карельского народа, или они относятся к вепсам, а «Большая энциклопедия Отава» даже вообще выделяет людиков в особую народность наряду с финнами, карелами, вепсами и др. прибалтийско-финскими народами. («Otavan iso tietosanakirja. Encyclopaedia Fennica», т. 3, стр. 1438).

¹⁰ P. Virtaranta, Juho Kujola, karjalan ja lyydin tutkija, «Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia», 266, Helsinki, 1960.

¹¹ V. Nissilä, Itä-Karjalan matkanimistöä, «Kalevala seuran vuosikirja», 1955, № 35, стр. 247—260.

¹² A. Reima, Karjalaisista kehtolauluista, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1953, № 33, стр. 150—160.

¹³ L. Honko, Itkuivirsirunous, «Suomen kirjallisuus, I. Kirjoittamaton kirjallisuus», Helsinki — Keuruu, 1963, стр. 81—128.

ного в финляндской науке взгляда, будто восточные прибалтийско-финские народы полностью заимствовали от славян весь жанр причитаний: северорусские и, например, карельские причитания как по стилю, так и по содержанию четко различаются между собой, хотя имеются сравнительно поздние заимствования. В то же время, утверждает Л. Хонко, существование у русских жанра причитаний способствовало сохранению прибалтийско-финских причитаний. Л. Кеттунен в своей работе «Характерные черты языков, близкородственных финскому»¹⁴ пытался при помощи старой теории подвести этногенетическую базу под свои языковые наблюдения, сами по себе имеющие бесспорно большое значение. Излагаемая в этой работе теория происхождения карел, наряду с правильными положениями — например, что карельский народ сложился из нескольких компонентов при значительной доле вепсов, и что карельский язык не является прямым производным от финского праязыка, содержит также некоторые противоречивые утверждения. Так, придерживаясь взгляда, что «все племя карел» произошло от западнофинских переселенцев, Л. Кеттунен соответственно утверждает, что «северные (карельские) диалекты в сущности являются лишь диалектом финского языка, наиболее напояющим саво»¹⁵. Однако в заключение Л. Кеттунен приходит уже к обратному выводу, что диалект саво является не чем иным, как наиболее западным приемником «разноцветного древнекарельского языка», по существу того самого диалекта, что распространялся из древней Приладожской Корелы не только в район Белого моря, но и в северные области Финляндии. И действительно, именно огромным влиянием, которое карельский язык оказал и продолжает оказывать на финский, объясняется в значительной мере близость его не только к восточнофинским диалектам, но и ко всему финскому языку. Об этом благотворном влиянии в свое время убедительно сказал Л. Хакулинен, ссылаясь на заявление Комитета по народному наследию: «Восточно-карельские диалекты посредством уже изданной «Калевалы» в высшей степени обогатили финский литературный язык... Севернокарельские и южнокарельские диалекты, как известно, в некоторых отношениях являются, если можно так выразиться, даже более финскими, нежели сам финский язык»¹⁶.

Вполне понятно, почему финляндские лингвисты на протяжении длительного времени интенсивно работают над созданием фундаментального словаря карельского языка. В настоящее время работа близится к завершению. Этот словарь ждут не только финно-угроведы Финляндии, он будет очень полезен также советским языковедам и этнографам.

Из собственно этнографических работ о карелах в первую очередь следует назвать книгу Т. Вуорела «Народы, родственные финнам»¹⁷. Правда, мы коснемся в основном только одного очерка из этой книги — очерка о карелах. Еще в 1920-х годах вышли две одноименные книги Т. И. Итконена и И. Маннинена¹⁸. В настоящее время они, естественно, сильно устарели. С тех пор произошли большие изменения в жизни финно-угорских народов. За это время значительно шагнуло вперед и финно-угроведение, особенно советское. Поэтому появление современной книги по этнографии финно-угорских народов можно только приветствовать. Книга Т. Вуорела является пособием по изучению общей этнографии финно-угорских народов. Автор поставил перед собой цель «дать общее представление о традиционной культуре финно-угорских народов, а также кратко обрисовать их современное состояние и историческое прошлое». Уже в предисловии Т. Вуорела подчеркивает, что при составлении книги он исходил из принципа принадлежности народов к единой языковой семье, а не к единой финно-угорской культуре, которой как таковой вообще не существует¹⁹, но что каждый народ испытал на себе влияние культуры других, даже не родственных народов (тюркских, монгольских, славянских и др.), и что его культуру надо рассматривать на фоне культур соответствующих народов. Поэтому будет «разумнее говорить не о единой форме культуры, а о разновременных и разносторонних культурных связях». Именно с этой точки зрения Т. Вуорела рассматривает этнографию финно-угорских народов, и очерк о карелах может служить примером широкого, хотя и не всегда удачного, на наш взгляд, применения сравнительно-исторического метода. При написании этого очерка автор в основ-

¹⁴ L. Kettunen, Suomen lähisukukielten luonteenomaiset piirteet, «Suomalaisugrilaisen seuran toimituksia», № 119, Helsinki, 1960.

¹⁵ Саво — один из восточнофинских диалектов.

¹⁶ L. Hakulinen, Karjalan sanakirja toteutumisen vaiheensa. Kotikielen Seuran vuosikakouksen avajaispuhe 14.3.1955, «Virittäjä», 1955, № 2, стр. 192—194.

¹⁷ T. Vuorela, Suomensukuiset kansat, «Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia», 264, Turku, 1960.

¹⁸ S. I. Itkonen, Suomensukuiset kansat, Helsinki, 1921; J. Manninen, Suomensukuiset kansat. Kuvauksia esineellisen kulttuurinalalta, Porvoo, 1929.

¹⁹ В советской этнографической науке против «некоей мнимой финно-угорской этнокультурной общности, в действительности никогда не существовавшей», выступал еще в 1948 г. Н. Н. Чебоксаров (Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финно-угорских народов в СССР, «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 176).

ном опирается на финляндскую литературу, но пользовался также и работами советских ученых — Д. В. Бубриха, Г. С. Масловой.

Очерк состоит из 14 разделов. В первых двух дана краткая справка о современной численности и расселении карел, а также об истории образования Карельской АССР. На этом, собственно, и кончаются в очерке сведения по современной этнографии карел. В третьем разделе Т. Вуорела излагает в основных чертах теории происхождения карельского народа, констатирует существование противоположных взглядов на концепцию западнофинского (емьского) происхождения карел, но своего отношения к ней не высказывает. Касается автор и вопроса переселения карел в Россию в XVII в., явно преувеличивая при этом роль религиозных мотивов. Последнее было свойственно вообще финляндской историографии, так же, впрочем, как и многим русским историкам прошлого²⁰. Нам еще предстоит вернуться к этому вопросу в связи с книгой П. Виртаранта о тверских карелах.

В следующем разделе очерка очень кратко говорится о духовной культуре карел и о некоторых явлениях их социальной жизни: в частности, об общинном землепользовании, об институте большой семьи.

Влияние славян яснее всего, по мнению автора, проявляется в характере и обычаях южных карел, отпечаток же финского влияния заметен вдоль всей западной границы и особенно у северных карел. Верованиям карел в очерке уделено буквально четыре строчки: указывается только на их принадлежность к православию (главным образом к староверам) и на обилие монастырей в дореволюционной Карелии. Между тем, у карел вплоть до XX в. сохранялись сильные пережитки язычества и само православие в значительной массе народа носило формальный характер. Ни словом не упоминается также и тот примечательный факт, что в настоящее время лишь небольшая часть карел является верующей. Столь же односторонне говорится и о народном образовании: совершенно игнорируется современное состояние.

Такой же ориентации на прошлое придерживается Т. Вуорела и в разделах по материальной культуре карел, по их хозяйству и т. п.

Интересные сведения о подсечном земледелии в XIX и начале XX в. содержатся в пятом разделе. На основании общности многих явлений в традиционной культуре Восточной Финляндии и Карелии, автор объединяет их в этнографическом отношении в одно целое. Подтверждение этому он справедливо видит в общности старинных земледельческих орудий, строение и названия которых почти одинаковы. Здесь Т. Вуорела пытается, несмотря на стремление сохранить «объективную», чисто констатационную позицию, подтвердить свое утверждение об «отпечатке финского влияния». Однако многие приведенные им примеры говорят скорее в пользу карельского влияния.

Разделы седьмой и восьмой рассказывают о рыболовстве и охоте, служивших существенным подспорьем для карельского хозяйства. Рыболовство, особенно на Севере Карелии, где земледелие и животноводство были слабо развиты, нередко имело даже первостепенное значение. На основе лингвистических данных Т. Вуорела отмечает раннее заимствование карельских способов рыболовства русским населением Прионезья и Беломорья, но, с другой стороны, признает и обратное влияние в более поздний период. Карельский охотничий промысел сравнивается с охотничьими обычаями других народов. Подробно рассказывается о широко распространенном в прошлом среди карел способе птицеводства, носившем название «*ruutikka*». Указывая на то, что этот способ известен был также у саамов, коми и когда-то бытовал у финнов, Т. Вуорела ничего, однако, не говорит о русском «путике», который имеет прямое отношение к карельскому «*руутikka*».

В разделе о пище карел приводится много фактов, говорящих о сильном русском влиянии: это разнообразные пироги — от рыбников до калиток, овсяный кисель, кислый хлеб, «сухой» творог, соленые грибы, чай с непременно самоваром и многое другое. Говоря о большой роли рыбы в пище карел, Т. Вуорела считает, что популярность рыбных блюд вызвана в большой степени влиянием православия с его постами, но признает все-таки и решающую роль богатых рыбой озер и рек.

Десятый раздел рассказывает о традиционных средствах и способах передвижения карел. Здесь автор впервые упоминает о переменах, происшедших в жизни карельского народа за годы Советской власти. «Только целенаправленная и грандиозная строительная работа, проводимая Советским правительством, связала периферийные районы Восточной Карелии с общей транспортной сетью и коренным образом улучшила также местные пути сообщения».

В следующем разделе автор рассматривает главным образом традиционную женскую одежду, поскольку «карелы-мужчины по обычаю одеваться уже длительное время не отличались от своих русских соседей». О тверских карелах там же говорится, что

²⁰ См. А. С. Ж е р б и н, Переселение карел на русские земли в русской историографии, «Тр. Карельского филиала АН СССР, вып. X, Вопросы истории Карелии», Петрозаводск, 1953, стр. 60—66; е го ж е, Переселение карел в Россию в XVII веке, Петрозаводск, 1956.

они «еще полнее, чем восточные карелы, освоили русскую одежду», сохранив традиционные элементы лишь в геометрических и зооморфных узорах вышивок. Впрочем, в женской одежде автор отмечает тоже весьма значительное русское влияние.

Наиболее обширный, двенадцатый раздел очерка Т. Вуорела посвятил карельскому жилищу. Существеннейшими признаками карельского дома автор считает однорядную связь жилых помещений, хлевов, сараев и клетей, а также его двухэтажность. В разделе дается обстоятельная характеристика всей постройки, указываются особенности и назначение ее частей и деталей, включая резные украшения, описывается внутреннее убранство жилища, приводится довольно полная терминология (на карельском языке). Но опять нельзя не заметить, что автор рассматривает лишь традиционное карельское жилище не позднее начала XX в.

Последние разделы рассказывают о наиболее распространенных в прошлом отхожих промыслах карел: о коробейном промысле и более древнем — ловле жемчуга. Кроме того, уже раньше, в разделе о рыболовстве говорится о появлении со второй половины XIX в. нового отхожего промысла — лесозаготовок, объем которых возростал по мере развития лесопильной промышленности.

Очерк Т. Вуорела не дает представления о все более усиливавшемся в этот период процессе обострения социального неравенства среди крестьянства. Карельское население показано абстрактной массой, в которой хотя и выделяются «более зажиточные» и «менее зажиточные» слои, но совершенно нет эксплуатации карела-бедняка карелом-кулаком. И даже там, где говорится о торговых делах карел (например, о том, что южные карелы возили на продажу рыбу в Петрозаводск, в Петербург и даже в Финляндию, а северные карелы торговали птицей в финских городах Каяни и Оулу и на Шунгской ярмарке, куда приезжали за птицей петербургские купцы), автор не указывает, что торговлей занимались, как правило, лишь богатые крестьяне, которые скупали дичь у зон односельчан и затем с большой выгодой перепродавали ее. В итоге, одно из существеннейших явлений в жизни карельского народа в конце XIX — начале XX в. — разложение общины и развитие капиталистических отношений — осталось вне поля зрения автора.

Таким образом, хотя в целом очерк интересен, он страдает, как в общем и весь учебник, существенными недостатками. Это особенно жаль, поскольку учебник призван ориентировать будущих финских этнографов и историков.

В финляндской литературе имеется много исследований по частным вопросам материальной или духовной культуры финно-угорских народов, где систематизируются и сравниваются явления, свойственные разным народам. Такие исследования в большей или меньшей степени касаются и этнографии карельского народа.

Так, довольно отрывочные сведения о похоронных и свадебных обрядах карел содержатся в статье А. Вилкуна «Белый платок, платок покойника»²¹. Значительно богаче представлен карельский материал в монографии Н. Валонена «К истории финского жилища»²², которая издана в переводе на немецкий язык.

Много общего между обычаями карел и финнов находит П. Виртаранта в кустарном смолокурении. В сравнительно небольшой статье «Мазь дерева, жир лодки. Табу слов при смолокурении»²³ он обстоятельно рассказывает о разных поверьях и обычаях, связанных с этим промыслом. Наличие особых рун о рождении смолы свидетельствует, по мнению П. Виртаранта, о большом значении смолокурения в хозяйстве карел и о древнем его происхождении. Автор так объясняет живучесть обычаев: суровые условия жизни не позволяли делать рискованные опыты — что будет, если отказаться, от старых обычаев.

Отдельные моменты свадебной обрядности рассматриваются в работах А. В. Рангасало «Финские обычаи и магические действия вместе с верованиями, связанные с женитьбой и сватовством»²⁴ и А. Оярви «Свадебная баня»²⁵, посвященных сравнительному анализу свадебных обрядов у прибалтийско-финских народов.

А. В. Рангасало подробно описывает основные этапы сватовства у разных народов, но мы здесь остановимся только на сведениях о карелах.

Отмечая распространенность ранних браков у северных карел, где уже с 15 лет начинали готовиться к женитьбе, автор объясняет это экономическими соображениями:

²¹ A. Vilkuna, Valkoinen liina, vainajan liina, «Virittäjä», 1960, № 2.

²² N. Valonen, Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Übersetzt von Dr. Ingrid, Schellbach, «Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia», 133, Helsinki, 1963.

²³ P. Virtaranta, Puun voide, venosen rasva. Tervanpolton kielto sanoja, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1957, № 37, стр. 244—266.

²⁴ A. V. Rantasaalo, Naittamiseen ja kosintaan liittyneitä suomalaisia tapoja ja taianomaisia menettelyjä uskomuksineen, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1954, № 34, стр. 135—148.

²⁵ A. Ojorvi, Morsiussauna, «Kalevalaseuran vuosikirja», 1959, № 39, стр. 293—330.

хозяйству нужны были дополнительные рабочие руки. Обстоятельно описывается магический обряд, распространенный в прошлом у северных и приладожских карел, — ритуальная баня, цель которой заключалась в изгнании «порчи» из девушки, засидевшейся в девках, в поднятии ее девичьей славы и привораживании любви (*lemmennosto* — буквально «поднятие любви») ²⁶.

Значительное место уделено в статье описанию севернокарельского сватовства. Рассматривая обряд сватовства у карел и у других родственных народов, А. В. Ранта-сало пользуется при этом уже известными в финской печати материалами, пытаясь их анализировать в сравнительном плане. Однако сколько-нибудь серьезных выводов и обобщений работа не содержит, она лишь констатирует различие и сходство отдельных моментов обряда у прибалтийско-финских народов.

Значительно большую научную ценность представляет собой вторая работа — статья А. Оярви. Рассматривая обряд свадебной бани у финнов (в том числе и у финляндских карел), А. Оярви подразделяет варианты обряда на семь групп, в зависимости от его особенностей и даже от степени его сохранения. При этом автор оперирует материалами опроса, проведенного в 1930 г. Словарным обществом (*Sanakirjäsäätiö*), записями свадебного обряда, хранящимися в финляндских архивах, и соответствующей литературой. На основе существующих различий в обрядах свадебной бани у населения восточных и западных районов Финляндии делается правильный вывод, что дело не ограничивалось только славянским влиянием, что в западных районах преобладало скандинавское влияние. Это и понятно, поскольку в западной части Финляндии веками длилось шведское засилье. Славянское же влияние шло через посредство карел, близость обряда которых к русскому автор особенно подчеркивает.

Наиболее отличительные черты обряда свадебной бани у карел заключаются, по мнению А. Оярви, в следующем. Накануне свадьбы невеста моется вместе с подругами (иногда подруги сами не моются, только парят невесту), мытье сопровождается песнями и причитаниями, нередко с участием причитальщицы, совершаются различные магические действия. Дома, после бани, происходило заплетение косы, при этом в нее вплетались ленты от каждой подруги невесты; расплеталась коса утром в день свадьбы. Карельская свадебная баня называлась «девичьей» — *neiskyly*, *neitsykyly*. А. Оярви настоятельно подчеркивает, что песни и причитания исполнялись часто на русском языке.

Финской свадебной или «невестинной» бане (*hääsauna*, *morsiussauna*) плачи и причитания, напротив, совершенно не свойственны. Мыла и парила невесту обычно особая парильщица (иногда она же истопница), баня украшалась листвой и соломой (зимой — хвоей), иногда парильщица подвергала невесту болезненным испытаниям — сажала на репейник или крапиву, чтобы та привыкала к будущим болям и обидам. Церемония сопровождалась шумовым «концертом», который устраивали собравшиеся у бани. Расплетение косы невесты в обряде свадебной бани почти неизвестно.

Для восточных карел ритуальная сторона свадьбы имела, как справедливо отмечает А. Оярви, большое значение, она была даже важнее, чем церковное оформление брака. Поэтому здесь «плачи, переплетение косы и другие церемонии, связанные с верованиями, выступали ...значительно многообразнее и живучее, чем ...в Приладожской Карелии». Для молодых здесь обычно топили баню на второй день свадьбы, после брачной ночи, и она имела очистительное значение. У финнов же молодые обычно ограничивались лишь тем, что мыли руки и лицо в тазу с водой, что в сущности являлось, по мнению А. Оярви, символическим очищением. Впрочем, у карел очистительная баня тоже могла носить, как считает автор, чисто символический характер, так как новобрачные иногда даже не раздевались в бане.

У олонечских карел местами произошло слияние «девичьей бани» и совместного «очищения» новобрачных; то же самое отмечает автор, ссылаясь на В. Р. Петрелиуса, и у валдайских карел. Обряд «девичьей бани», распространенный в свое время у новгородских и тверских карел, имел много общего с обрядом приладожских карел.

²⁶ Обряд этот был довольно сложным. Во-первых, для бани нужны были особые дрова: либо разрубалась жердь, украденная из соседской риги (как это делалось в Ухте), либо рубили дрова от трех разбитых молнией деревьев (д. Каменное озеро). Такие дрова обладали магическими свойствами: первые приобретали эти свойства от овинника, вторые — от «небесного огня». Вода тоже нужна была особая, например, дождевая, собранная во время грозы. У приладожских карел, кроме особого венка (с ольховой и рябиновой ветками в середине), приготавлился еще обруч из расщепленного ствола молодой рябинки, связанный красной лентой. Баню топил колдун, как правило, ночью. Девушка должна была тайком прокрасться в баню. Сама церемония состояла в том, что колдун трижды продевал ее сквозь обруч, снизу вверх, так что «порча» оставалась на обруче, затем бросал обруч на каменку и обдавал паром; после этого девушка поднималась на полку и колдун начинал парить ее, смачивая веник в «волшебной воде» и приговаривая заклинания, которые должны были изгнать злые силы и приворожить женихов. Автор отмечает, что в действительность этого обряда карелы верили еще в сравнительно недавнее время.

Следует заметить, что произведенная автором классификация весьма условна. Все виды обряда, свойственные населению юго-западной и западной Финляндии, между собой в основном сходны (насколько позволяют судить приведенные в статье описания) и отличаются от карельского обряда отсутствием песен и причитаний, а также рядом других моментов. Таким образом, можно говорить лишь о двух основных типах обряда свадебной бани: первый — карельский, четко оформленный, сохраняющийся до довольно позднего времени даже у финляндских карел, с сильным славянским влиянием; второй — западнофинский, с сильным шведским влиянием, почти не сохранившийся.

Главным назначением обряда свадебной бани А. Оярви справедливо считает оберегание брачующихся. В этом обереге большую роль играло «очищение» как от всего старого перед вступлением в новую жизнь, так и от опасных последствий первой брачной ночи. Именно «очистительная» функция предсвадебной «девичьей бани» является, по мнению А. Оярви, наиболее древним слоем обряда. Однако более обстоятельно время и условия возникновения обряда свадебной бани в статье не рассматриваются.

Работ, специально посвященных частным вопросам этнографии карел, нам известно сравнительно немного.

Древним верованиям карел посвящена книга М. Хаавио «Карельские божества»²⁷. В ней автор на широком фоне, пользуясь архивными и литературными источниками, раскрывает содержание языческих культов и связанных с ними обрядов. Однако его объяснение происхождения этих культур весьма спорно, так как он сводит их в конечном счете к народной интерпретации католического культа святых, занесенного из Гамбурга и Бремена. Против этих выводов М. Хаавио, построенных на чересчур широких аналогиях, но в отрыве от конкретных исторических фактов, возражает, в частности, даже Х. Киркинен²⁸.

О том, как жили в XIX в. карелы района Салми (северо-восточная часть Приладожья), где значительную часть населения составляли финны, рассказывается в книге Э. Пелконен «У Карельского моря»²⁹. Как показывает автор, карелы здесь еще до конца XIX в. упорно сохраняли свои национальные традиции в материальной культуре, обрядах и обычаях, православную веру, даже язык, тяготая больше к России, чем к Финляндии. В то же время видно, как в традиционный уклад их жизни все больше вторгались элементы капиталистических отношений. Автор рассказывает, правда, в весьма беллетризованной форме, о многих сторонах жизни, о карельской свадьбе, о праздниках. Много внимания уделено верованиям, магии. Отмечает автор и существование богатого фольклора — причитаний, заговоров, заклинаний, указывая при этом на особую распространённость сказок, но, с другой стороны, и на отсутствие рун.

Исключительно богатый фактический материал по карелам XIX — начала XX в. собран и систематизирован в диссертации Е. А. Виртанена «О рыболовном праве и рыболовецких артелях у восточных карел»³⁰. Автор назвал свою работу «этносоциологическим исследованием» и рассматривает в ней главным образом правовые и экономические отношения в области рыболовства.

Известно, какую огромную роль в жизни карел играло рыболовство и как высоко оно было развито. В результате многовекового совместного пользования одними и теми же рыболовными угодьями населением всей деревни, а часто даже нескольких деревень, выработались определенные обычаи лова, которыми обуславливались права и обязанности отдельного рыболова (иногда — небольшой отдельной группы) по отношению к другим рыболовам деревни или даже всей округи. Э. А. Виртанен пользуется материалом, собранным им в период с 1921 по 1943 г., разделив его на типологические группы (по методу школы У. Т. Сиреллуса). Касаясь истории рыболовного права, он, однако, не объясняет причин возникновения тех или иных явлений, поскольку рассматривает их, как правило, изолированно от социальных, географических и других условий. Но хотя сам Э. А. Виртанен не делает в работе серьезных обобщений и не дает целостной картины состояния рыболовства у карел в прошлом, использованный автором материал позволяет составить весьма глубокое и полное представление об одной из важнейших сторон жизни карельского народа. Обстоятельно исследуются в работе вопросы трудового и имущественного кооперирования. Сооружение сложных, требовавших большого труда запруд на порожистых реках не всегда было под силу отдельным хозяйствам. Поэтому нередко были случаи сооружения запруды общими силами (хотя бы силами нескольких хозяйств) и затем совместного пользования этой запрудой. Много труда и средств требовалось для обзаведения и таким сложным орудием лова, как невод, особенно большой («зимний») невод; последний часто являлся собственностью

²⁷ M. Haavio, *Karjalan jumalat*. Uskontotieteellinen tutkimus, Porvoo — Helsinki, 1959.

²⁸ H. Kirkinen, Указ. раб., стр. 57.

²⁹ E. Pelkonen, *Karjalan meren äärellä*. Perimätiedon valoa 1800-luvun ihmiskoh-taloihin idän ja lännen rajamaissa, Helsinki, 1961.

³⁰ E. A. Virtanen, *Itäkarjalaisten kalastusoikeudesta ja — yhtiöistä*. Etnososiologi-nen tutkimus, (нем. реферат) «Kansatieteellinen arkisto», VIII, Helsinki, 1950.

нескольких семей. Но даже в том случае, когда неводом владел один хозяин, ему приходилось прибегать к помощи других людей, не имевших своего невода. Как указывает Э. А. Виртанен, в обязанности наемных работников входило — рубить проруби и очищать их от льда, тянуть невод; за работу владелец невода платил по ведру рыбы в день независимо от размеров улова.

Таким образом, в диссертации Е. А. Вирганена нашли отражение и явления имущественного неравенства. В работе отмечается также, что на место родственных отношений, игравших первостепенную роль в экономическом укладе большой семьи, приходят деловые отношения.

Нельзя не отметить еще одну положительную сторону работы Э. А. Виртанена: многие социальные и экономические явления, свойственные в прошлом карельскому рыболовству, сравниваются с аналогичными явлениями, встречавшимися у других финно-угорских народов. Но основная ценность работы заключается все-таки в ее насыщенности конкретным, тщательно подобранным материалом.

Выше мы уже говорили о некоторых работах П. Виртаранта, в частности, о работах, касающихся истории изучения карел. Теперь остановимся на работах, непосредственно посвященных карелам. Надо признать, что, пожалуй, никто другой из современных финляндских ученых не занимается так упорно и так продуктивно изучением культуры карельского народа, как это делает П. Виртаранта, профессор Хельсинкского университета, лингвист и этнограф. П. Виртаранта дважды, в 1957 и 1958 гг., совершил экспедиции к карелам Калининской области и к карелам-людикам, во время которых записал много текстов на этих диалектах, и выпустил в 1961 г. книгу «Прежняя жизнь тверских карел»³¹. Занимаясь изучением диалектов финского языка и собирая в виде воспоминаний сведения о традиционной материальной и духовной культуре финнов, П. Виртаранта с 1940-х годов увлекся изучением карельского языка и самобытной культуры родственного народа. Записи, сделанные в Финляндии и в Швеции с 1948 по 1956 г. от выходцев из северной и южной Карелии, предполагались вначале, видимо, только для языковедческого исследования. Но благодаря необыкновенной детальности и непосредственности этих воспоминаний, их всеобъемлющей разносторонности, они явились чрезвычайно ценным этнографическим материалом. Разработка тематики в свою очередь говорит о глубоком знании народной жизни. П. Виртаранта отобрал воспоминания, записанные от переселенцев из северной Карелии, обработал их, сгруппировал по темам и издал в 1958 г. отдельной книгой «Народ Беломорья вспоминает»³². Кроме того, П. Виртаранта сделал в 1950—1956 гг. много записей от уроженца д. Галлезеро, С. Хуотаринена, а также от других переселенцев-людиков. Воспоминания С. Хуотаринена П. Виртаранта обработал, снабдил финскими переводами и недавно издал в трех первых томах «Людиковских текстов»³³, предполагая в следующих томах опубликовать остальные записи.

На книгу П. Виртаранта о тверских карелах имеется рецензия Г. Н. Макарова, о которой мы уже упоминали. Поэтому здесь ограничимся лишь некоторыми дополнениями. Так, вопрос о переселении карел в XVII в. с территорий, захваченных шведами, П. Виртаранта рассматривает очень подробно и при этом определенно высказывается о религиозных притеснениях как о главной причине ухода. Но далее П. Виртаранта называет и другие причины, из которых основную видит в налогах, которыми шведы обложили карельское население Приладжья и Карельского перешейка, и в произволе захватчиков.

Книга П. Виртаранта о тверских карелах является ценным вкладом в литературу по этнографии карел. Сам автор подчеркивает, что изображает в ней прежнюю жизнь, сохранившуюся до нашего времени лишь в воспоминаниях людей старшего поколения. И все-таки, несмотря на такое сосредоточение внимания на прошлом, автор не мог не видеть и не отмечать настоящего.

Так, целая глава посвящена земледелию, претерпевшему особенно заметные изменения. Память о подсежном земледелии сохранилась здесь лишь в преданиях да названиях многих полей. Из старых земледельческих орудий кое-где сохранились сохи: с ними удобно сажать и обрабатывать картофель на приусадебных участках, деревянные же бороны уже не применяются. Если раньше сеяли вручную, то теперь, отмечает П. Виртаранта, применяются машинные сеялки, те же изменения и в уборке, а благодаря комбайнам почти исчезли ненужные теперь риги, прежде имевшиеся в каждом хозяйстве. Подробно останавливается автор на старых обрядах, связанных с полевыми работами. Касается П. Виртаранта и прежних отхожих промыслов, которыми карелы были вынуждены заниматься: «деньги нужно было добывать на покупку хлеба, иначе семье пришлось бы пойти по миру». Одним из таких занятий назван извозный промысел, получивший особенное развитие во времена строительства железной дороги между Петербургом и Москвой.

³¹ P. Virtaranta, *Tverin karjalaisten entistä elämää*, Porvoo — Helsinki, 1961.

³² P. Virtaranta, *Vienan kansa muistelelee*, Porvoo — Helsinki, 1958.

³³ *Lyydiläisiä tekstejä, I—III. Kerännyt, kääntänyt ja julkaissut Pertti Virtaranta, «Suomalain-ugrilaisen seuran toimituksia», 129—131, Helsinki, 1963—1964.*

Отдельные главы рассказывают о пище, об одежде, о различных приметах и поверьях, о заговорах и знахарстве, о божествах и духах, о старых обычаях, связанных с рождением ребенка, о свадебном обряде и о похоронах, о фольклоре. Наиболее интересна из них глава о свадьбе, по объему уступающая лишь главе о земледелии. П. Виртаранта дает здесь развернутое описание традиционной свадьбы и отмечает ее веселый характер, обилие песен — карельских и русских; невеста причитала, как отмечает автор, только в период от «девичьей бани» до отъезда к венцу. Описание свадьбы богато подробностями, характеризующими магическую, игровую и другие стороны обряда. Но о современном состоянии обряда автор ничего не говорит.

Если в работе о тверских карелах П. Виртаранта касается в той или иной степени современности, то совершенно отсутствует она в двух других книгах: о северных карелах и людиках. Здесь автор пользуется только воспоминаниями. В книге «Народ Беломорья вспоминает» записи воспоминаний, приведенные с соблюдением лишь самой необходимой транскрипции, главным образом иллюстрируют и развивают авторский рассказ о жизни северных карел, зато в «Людиковских текстах» автор-рассказчик совершенно отсутствует, а воспоминания опубликованы с полной транскрипцией и снабжены лишь переводами на финский язык. Отсюда и ценность книг по содержащемуся в них этнографическому материалу существенно различается. «Людиковские тексты», составленные из воспоминаний одного информатора, хотя и отличавшегося большими познаниями и хорошей памятью, дают гораздо более узкое представление о прошлом быте и культуре карел-людиков, нежели тщательно собранные и обобщенные автором воспоминания более сорока информаторов о быте собственно карел. Тем не менее обе работы даже в чисто этнографическом плане заслуживают самого серьезного рассмотрения, чего мы в рамках данной статьи, к сожалению, сделать не можем³⁴.

Итак, основные явления, происходящие в современной финляндской этнографической науке, в частности — в этнографии карел, заключаются в следующем. В послевоенные годы вновь возрос интерес к культуре карельского народа, причем изучение ее развивается уже на новой, более объективной основе. Укрепляются связи между советскими и финскими финно-угроведами. Все полнее подытоживаются и обобщаются результаты исследований XIX — начала XX в., выявляются новые задачи, требующие незамедлительного решения. Примером такого своевременного решения по праву можно назвать книгу П. Виртаранта «Народ Беломорья вспоминает».

Широко применяется в финляндском финно-угроведении сравнительный метод. Правда, обычно сравниваются материалы только по родственным народам, но все чаще взгляд исследователя начинает обращаться и на соседние народы.

³⁴ О том, насколько обширный и обстоятельный материал содержится в этих трудах П. Виртаранта, можно составить представление уже по нескольким примерам. Так, книга о северных карелах состоит из 37 глав, посвященных самым разнообразным темам: рунопевцы и знахари, верования, исторические предания, болезни, одежда, пища, неурожайные годы, представления о небесных светилах, грозах и северном сиянии, рыболовство, охота, средства передвижения, жилище, семья и семейный быт, соседские отношения, игры, празднества, свадьба, топонимика и т. д. и т. п. — причем все это темы отдельных глав. Из них самая большая глава — о свадьбе — занимает более 90 страниц и дает подробное описание традиционной северокарельской свадьбы. Даже о способах изготовления из бересты различных предметов домашнего обихода, обуви, веревки и многого другого рассказывает целая глава. Представлен в книге и фольклорный материал: причитания, песни, загадки, поговорки, заговоры, заклинания.

Ю. Сурхаско

НАРОДЫ СССР

А. Я. Порицкий. *Побут сільськогосподарських робітників України в період капіталізму*. Київ, 1964, 138 стр.

Изучение быта сельскохозяйственных рабочих помогает уяснить процесс формирования и становления сельского пролетариата, понять его историческую роль как наиболее надежного и последовательного союзника промышленного пролетариата.

В работе А. Я. Порицкого рассматривается быт сельскохозяйственных рабочих¹ главным образом юга Украины (Херсонской, Екатеринославской и Таврической гу-

¹ На эту тему А. Я. Порицким были опубликованы следующие статьи в журнале «Народна творчість та етнографія»: «Заробітчанські землеробські артілі на Україні (в кінці XIX на поч. XX ст.)» (1957, № 2); «Побут сільськогосподарського пролетаріату півдня України кінця XIX — початку XX ст.» (1958, № 1); «Дрожні артілі сільськогосподарських робітників України кінця XIX — початку XX ст.» (1958, № 4); «З сімейного побуту сільськогосподарських робітників доби капіталізму» (1959, № 4).